

В. В. Горбань
Одесса, Украина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИНТЕРНЕТА

АННОТАЦИЯ. Лингвофилософская сущность категории нового признавалась представителями различных научных школ: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент переходящее...» (Гумбольдт). В категорию «движение» входят понятия «изменчивость» и «устойчивость», которые в чистом виде в реальном мире не существуют, а взаимодействуют и взаимопреплетаются. То же самое наблюдается в языке. Неономинации являются ярким примером процесса развития. Возникновение новых слов приводит к изменению системы языка, сам же процесс деривации происходит на базе устойчивых словообразовательных типов и моделей. Может наблюдаться и обратный процесс: изменению подвергаются словообразовательные модели и типы. В соответствии с универсальной диалектической закономерностью — переходом количественных изменений в качественные — возникают новые устойчивые отношения словоизводства. Динамические процессы, происходящие в последнее время в языке, следует рассмотреть с учетом этих аспектов, что и является целью нашей работы. В статье рассматривается креативный потенциал неолексем в политическом дискурсе. Определяются факторы устойчивости (создания по законам узуза) и изменчивости (трансформации под влиянием конкретной ситуации). Анализируется контаминация как способ создания неолексем, рассматриваются ее подтипы; описываются приемы манипуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неолексемы; контаминация; политический дискурс; креативность; устойчивость; изменчивость; манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горбань Виктория Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, филологический факультет, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова; 65058, Украина, Одесса, Французский бульвар, 24-26; e-mail: shvetsova_n@mail.ru.

Динамический аспект языка приковывает к себе пристальное внимание исследователей, так как «динамика объективных процессов — социальных, политических, культурных — не позволяет языку сегодняшнему оставаться равным вчерашнему» [Золотова 2000: 130].

Движение как диалектическая категория является способом существования любой материи, в том числе и языка. Лингвофилософская сущность категории нового признавалась представителями различных научных школ: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент переходящее...» [Гумбольдт 1984: 70].

В категорию «движение» входят понятия «изменчивость» и «устойчивость», которые в чистом виде в реальном мире не существуют, а взаимодействуют и взаимопреплетаются. То же самое наблюдается в языке. Неономинации являются ярким примером процесса развития. Возникновение новых слов приводит к **изменению** системы языка, сам же процесс деривации происходит на базе **устойчивых** словообразовательных типов и моделей. Может наблюдаться и обратный процесс: **изменению** подвергаются словообразовательные модели и типы. В соответствии с универсальной диалектической закономерностью — переходом количественных изменений в качественные — возникают новые **устойчивые** отношения словоизводства. Динамические процессы, происходящие в последнее время в языке, следует рассмотреть с учетом этих аспектов, что и является целью нашей работы.

Динамические процессы языка очень четко прослеживаются абсолютно в любом коммуникативном пространстве, так как, по справедливому замечанию Н. Хомского, для человеческого разума характерна способность отходить от заданных в системе языка структурных моделей с целью создания новых структур [Chomsky 2006: 7]. Из этого следует, что креативность — неотъемлемая черта человека говорящего.

Всё вышесказанное относится и к политической коммуникации, для которой характерна «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и образования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2005: 474]. При этом довольно часто происходит манипуляция сознанием адресной аудитории для трансформации «языковой картины политического мира в сознании адресата» [Чудинов 2005: 71].

В политическом дискурсе в качестве коммуникативной стратегии активно используется языковая игра, являющаяся формой «лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2013: 8; ср. также: Гридина 2011]. При этом, как справедливо заметили М. Э. Рут и К. О. Цыплякова, про-

© Горбань В. В., 2016

слеживается динамика отношений «человек — язык» [Рут, Цыплякова 2014: 179].

По данным проекта М. Эпштейна «Пресс-слово года», наиболее яркие примеры «нового русского слова» образованы междусловным наложением. То же самое наблюдается и в интернет-пространстве. Как синонимичные термину «междусловное наложение» употребляются «скорнение», «контаминация», «словосложение», «словослияние», «телескопия», «аппликация», «гибридные слова», «слова-композиты», «слова-сплитки», «слова-портмоне». Чаще всего для номинации сжатия речевых форм употребляются термины «контаминация» и «наложение». И. С. Улуханов не различает эти два понятия, объединяя их термином «междусловное наложение» [Улуханов 1972: 52]. Е. А. Земская же под междусловным наложением понимает такое наложение, при котором оба слова сохраняются полностью, но «наезжают друг на друга» [Земская 1973: 19], а при контаминации «часть одного слова устремляется, т. е. не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслинию окказионализма» [Земская 1973: 19].

В словах, возникших в результате компрессии, сложным образом переплетаются значения обоих исходных слов [Санников 1999: 164]. И контаминация, и междусловное наложение — это основные средства словообразовательной игры, так как, «вступая в нее, автор учитывает несколько факторов: звуковую форму объединяемых компонентов, их ассоциативные возможности и коннотацию, в итоге реализуется прагматическая функция слова» [Николина 2007: 313].

В интернет-пространстве нами обнаружены различные типы контаминации. Первый тип представлен междусловным наложением: *Калутин*, *Лилипутин*, *Террораша*, *Ярошок*. В данных неологемах наблюдается довольно яркий ребрендинг: «...целью политического ребрендинга зачастую является если не моральное уничтожение, то дискредитация противника. Игровой компонент политического ребрендинга от противника как дискредитирующей коммуникативной стратегии связан с тем, что в новом данным противником бренде в краткой, подчас метафорической форме предъявляются серьезные обвинения партии или иной политической силе — носителю бренда» [Иванова 2014: 255]. Особенностью данного подтипа контаминации является то, что одно производящее — оним, отношение к которому должны изменить читатели благодаря второму производящему, дающему весьма негативную оценку, которая должна трансфор-

мировать общественное сознание. Одно эмоционально-оценочное слово может больше дискредитировать объект критики, чем длинные речи. Эксплицитная, агрессивная критика воспринимается не всеми, а имплицитная, экспрессивно заряженная — легко воспринимается подсознанием, выполняя поставленные цели. Ребрендинг может производиться и без участия онимов, но с помощью инвектив при прямом оскорблении: «...во множественных нарушениях сознался „підрахуй-2“ А. Олейник». Во время «оранжевой революции» 2004 г. после того, как С. Кивалов, возглавлявший Счетную комиссию, был заподозрен в фальсификации, ему дали прозвище *Сергайко Підрахуй* (*підрахуй* — императив от глагола *підрахувати* — «подсчитать»).

Второй тип контаминации создан по схеме «основа первого слова + усеченная часть второго слова»: *СМИтушки*, *БЮТкивщина*, *Оркаина*, *Бандюкович*, *ментушки*, *поциот*, *Даунбас*, *УРКАина*, *Зверющенко*, *майданутые*, *битушки*, *крысчане*, *Трупчинов*, *Евнухович*, *Иудщенко*, *Гейропа*, *Путинбург*, *Дуркаина*, *кремлины*, *быдляндия*, *холодомор*, *янучары*, *Дебильцево*, *Ялинкович* и др.

Поскольку большая часть примеров — «слова ненависти» (М. А. Кронгауз), то чаще всего в препозицию выносится коннотативно окрашенная лексика, которая программирует восприятие всей неолексемы. При этом может сочетаться актуализация внутренней формы и паронимической аттракции. Хотя некоторые лингвисты предлагают выделять, кроме паронимии (сближение однокоренных, сходно звучащих слов), и парономасию (сближение сходно звучащих слов с разными корнями) (О. И. Северская), В. П. Григорьев, В. З. Санников и другие используют термин «паронимия» в широком понимании, относя к этому явлению все близкие по звучанию лексемы, выделяя при этом 4 подтипа: «1. Вокалический (платок — пилотка, квазикорень ПЛТК + орфографические чередования #/и, а/о, о/#); 2. Метатетический (ропот — топор); 3. Эпентетический (внутрь «корня» включается еще один консонант: просек — проспекты); 4. Консонантный (расподобление части консонантов: хоронить — короновать, отрада — отрава)» [Григорьев 1979: 280—282].

Тактика дискредитации проявляется в неолексеме *крысчане*: заменив название полуострова на название грызуна, автор неологизма отсылает читателя ко второму значению слова «крыса» — «перен. о людях, бросающих общее дело в трудный, опасный момент; неодобр.». Накал ненависти возрастает, если в качестве семантической доми-

нанты вынести жаргонные слова: *Бандюкович, УРКАина, быдляндия, быкоко, Дебильцево*. Как мы видим, прямое оскорбление достигается применением приема «выражения авторских эмоций», когда за счёт грубой лексики, оскорбительной характеристики достигается дискредитация описываемого денотата.

При политическом **ребрендинге от противника** может использоваться прием «дисфемизации», при котором имя политического противника употребляется в непристойном контексте, когда упоминаются физиологические процессы или используется лексика сексуальной сферы: *Как только встречается фамилия Арсения Яценюка, сразу возникают реотные позывы*.

Реже семантические доминанты выносятся в постпозицию: *майданутые*. Для патриотически настроенных украинцев Майдан — символ гордости, пробуждения человеческого достоинства, героизма, для их оппонентов Майдан — символ зла, а стоявшие на Майдане достойны всяческого порицания и унижения. Для этого и используется прием «осмейния» — вторая часть слова ассоциируется с лексемами «чеканутые», «крезанутые»... (возможно, у некоторых возникают ассоциации с инвективами, которые вполне понятным причинам нами приводиться не будут).

Дискредитация противника может быть достигнута и за счет нейтральной лексики, если она отсылает к негативной прецедентной ситуации. Всеми телеканалами был показан репортаж о возложении венков у памятника погибшим воинам президентами России и Украины. Как только В. Ф. Янукович поклонился — на него упал венок. После этого и возник дериват *Ялинкович* (ялинка — «ёлка»), который создает иронический эффект.

Третий тип контаминации представлен схемой «усеченная часть первой основы + целое слово»: *Тимошенница, Тимошонка, Тигибкий, Кличокнутый, Ющенок* и др. Семантической доминантой выступает второе слово, как коннотативно нейтральное (*Тигибкий*: гибкий — «способный трезво оценить обстановку, обстоятельства и приноровиться к ним»; такое качество политика Тигибко можно считать скорее положительным), так и коннотативно окрашенное (характеристики Ю. В. Тимошенко, В. Ф. Януковича, В. Кличко, В. А. Ющенко отличаются оскорбительными интонациями, которые унижают честь и достоинство за счет вербальной агрессии). Например: «*Кличокнутый опять морозил что-то несусветное*»; «*Тимошенница опять работала на электротрат*». Вербальная агрессия может быть как

эксплицитной, когда даются хлесткие характеристики, порой на грани вульгарности, так и имплицитной — *Януковощ*. В толковых словарях русского языка (БАС, МАС, словарь Ожегова) нет развернутой статьи на слово «овощ», основной считается форма «овощи»: «овощи — огородные плоды и зелень, употребляются в пищу (например, огурцы, морковь, свёкла...)» [Ожегов 1998: 388]. Специальная словарная статья для формы «овощ» есть только в «Толковом словаре русского сленга»: «1. Обычно ирон. Любой человек. 2. Беспомощный больной, подключенный к какому-либо аппарату, от которого зависит его жизнь (из мед.)» [Елистратов 2005: 260]. Из медицинского жаргона это слово вошло в сленг и приобрело значения «безвольный человек; у него работает всё, кроме мозгов; не желает проявлять инициативу; равнодушен к проблемам людей». Не каждому носителю языка известно это многообразие смыслов. В этой подгруппе зафиксировано только одно слово, в котором семантическая доминанта вынесена в препозицию: *Вонющенко*.

Четвертый подтип контаминации предполагает схему «усеченная часть первой основы + усеченная часть второй основы». Данный способ принято называть телескопией; он позволяет создавать довольно яркие образы, при этом журналистами используется прием «сравнение». Этот прием предполагает сопоставление или уподобление объектов описания по общему (отрицательному) признаку: *Судьбы сапожника Чаушеску и уличного громилы Януковича схожи. Оба — неучи. Оба шли к власти по трупам. Для защиты своего режима Чаушеску создал мощный аппарат репрессий. Сегодня нечто подобное делает Янукович. Оба тирана схожи и в мыслях, и в поступках. Оба уничтожали неугодных и старались узурпировать власть. Один уже закончил плохо. И непонятно, на что рассчитывает второй. Таков он, Янушеску. Чаще всего производящими в этой подгруппе выступают они-мы, прежде всего антропонимы. По такой же модели, как Янушеску, создана неолексема Путлер, автор которой весьма эмоционально выразил свое отношение к президенту России. Производящими могут выступать и топонимы: Луганда (Луганск + Уганда), Донбабве (Донбасс + Зимбабве). Сравнивая территории Донбасса со слаборазвитыми странами Африки, автор неолексем кодирует в этом кратком послании семы «голод», «разруха», «запустение», «депрессивность». Но чаще всего для характеристики того или иного политика используется модель «имя политика + его характеристика», причем*

оним может стоять как в препозиции, так и в постпозиции: *Путинантроп* (Путин + пите-кантрол), *Прогибко* (прогибаться + Тигибко), *Майдашенко* (Майдан + Порошенко), *Растений* (растение + Арсений (Яценюк)), *Кидалов* (кидать + Кивалов), *Чучма* (чума + Кучма), *Хапутин* (хапать + Путин), *Брехуля* (брехать + Юля (Тимошенко)), *Глючко* (глючить + Кличко).

Пятый тип контаминации — включение основы одного слова в середину другого: *ПоРОШЕНоград*, *Санкт-Путинбург*, *УкроВина*, *Украдина*, *НовоПороссия*, *УкРуина*, *Янукриминалович* и др. Как видно из примеров, производные могут просто констатировать какие-либо факты: или место рождения, или название принадлежащей политику фирмы. Но чаще всего включения выражают различные коннотации: намеки на криминальное прошлое человека, на высокий уровень коррупции, на последствия военных действий, на полный беспредел (*правоохранительные органы*).

Любой текст, в том числе и политический, — единица двусторонняя, которая имеет план выражения и план содержания. Обе стороны сообщения воспринимаются адресатом одновременно, а декодирование зависит от специализации полушарий мозга: логическая информация декодируется левым полушарием, а эмоциональная — правым; можно сказать, что «каждое полушарие говорит своим языком, и только общее функционирование осуществляют весь комплекс мышления» [Поршнев 1974: 24]. Эмоции блокируют критическое осмысление, мешают адекватно оценивать действительность. Ассоциации, возникающие при этом, меняют языковую картину мира личности, «ее „старая“ личность подавляется, поскольку с помощью нового „языка“ устанавливается контроль над сознанием» [Белянин 2003: 215]. Таким образом, становится понятным, как должен быть построен политический текст, чтобы намерение пишущего было реализовано.

Создавая новое слово, автор тщательно продумывает не только смысл, который необходимо донести, но и форму. Если в античности форма и содержание противопоставлялись, то благодаря работам структуралистов (Р. Якобсона, А. К. Жолковского, М. Ю. Лотмана) стало очевидно, что форма довольно часто является частью содержания (ср. монографию Е. Г. Эткинда «Форма как содержание»). Можно сказать, что это две стороны языкового знака, взаимообусловленные и взаимонаправленные. Б. Ю. Норман проводит параллель с разгадыванием кроссворда, «при котором формальные „подсказки“ об-

легчают семантическую идентификацию слова. „Принцип кроссворда“ вообще естествен для речевой деятельности, в частности, для ситуации, когда человек припоминает название: форма здесь участвует в кристаллизации значения» [Норман 1994: 18].

В психологии утверждается, что в сознании носителей языка прежде всего устанавливается связь с планом содержания, план выражения внимания обычно не привлекает. В политическом дискурсе ситуация довольно часто меняется. Именно план выражения является ай-стоппером (элементом, который останавливает взгляд), после чего слово «разбирается» на части и выясняется их семантика. Наиболее ярким примером являются тексты со словами-«матрешками». При этом графика сочетается с паронимической аттракцией: УРКАина, ЯнукоВОШЬ, ЯнукоВИЧ, ДАУНбас и др.

Два участника речевой деятельности — адресант и адресат — демонстрируют единство творческих начал: адресант, имея определенные намерения, моделирует строго заданную форму сообщения в соответствии со смыслом, который надо донести адресату, а тот активно включается в процесс декодирования. Можно сказать, что адресант осуществляет некую текстовую стратегию, а адресат является тем комплексом благоприятных условий, «которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализировал свое потенциальное содержание» [Эко 2005: 25].

Если раньше ведущей функцией языка признавалась коммуникативная, то в последние десятилетия все чаще говорят о волонтативной: коммуникация осуществляется не только с целью обменяться информацией, сколько с желанием оказать воздействие на поступки другого [Поршнев 1974: 408], поскольку «вторая сигнальная система зародилась как система принуждения между индивидами» [Поршнев 1974: 422], что мы и видим в политическом дискурсе. Рассмотренные нами неолексемы отражают изменения коммуникативной парадигмы современного общества, в котором проявляются тенденции демократизации и интеллектуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В. П. Психолингвистика. — М., 2003.
2. Григорьев В. П. Поэтика слова. — М., 1979.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. — Екатеринбург, 2013.
4. Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 2011. № 1.
5. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкоznанию. — М., 1984.
6. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. — М., 2005.

7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.
8. Золотова Г. А. Функции и дисфункции в современной русской речи // Русский язык сегодня. — М., 2000. Вып. 1.
9. Иванова С. В. Языковые игры в политическом пространстве // Лингвистика креатива — 3. — Екатеринбург, 2014.
10. Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. — М., 1996.
11. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. — СПб., 1994.
12. Поршнев Б. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). — М., 1974.
13. Рут М. Э., Цыплякова К. О. Сравнительная характеристика особенностей языковой игры в журнальной публицистике XIX—XX веков // Лингвистика креатива — 3. — Екатеринбург, 2014.
14. Улуханов И. С. Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1992. Т. 51, № 1.
15. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2005.
16. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. — М., 2005.
17. Chomsky N. Language and mind. — Cambridge Univ. Pr., 2006.

V. V. Gorban'
Odessa, Ukraine

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN THE INTERNET POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *Linguistic and philosophic nature of the category of new is accepted by different scientific schools: “The language in its essence is something stable and constant but at the same time it is changing every moment” (Humboldt). The category “movement” includes the concept “changeability” and “stability”, which do not exist in reality in their pure form but they interact and interweave. The same happens with the language. Neonominations are a good example of the process of development. The appearance of new words leads to the changes in the language system, while the process of derivation takes place on the basis of stable derivational models. There may appear a reverse process: the changes occur in the derivational models. According to the universal dialectics pattern – the transfer of the quantitative changes into qualitative – their appear new stable patterns of word formation. Dynamic processes, that take place in the language today, should be studied with regard to the above mentioned aspects, which is the main purpose of this article. The creative potential of neolexemes in political discourse is studied in the article. The factors of stability (on the basis of usage) and changeability (transformation under the influence of the situation) are discussed. Contamination as a way of creation of neolexemes is analyzed; its types are described; the ways of manipulation are enumerated.*

KEYWORDS: neolexeme; contamination; political discourse; creativity; stability; changeability; manipulation.

ABOUT THE AUTHOR: Gorban' Viktoria Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Odessa National University, Odessa, Ukraine.

REFERENCES

1. Belyanin V. P. Psikhologistika. — М., 2003.
2. Grigor'ev V. P. Poetika slova. — М., 1979.
3. Gridina T. A. Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste. — Ekaterinburg, 2013.
4. Gridina T. A. Etnosotsiokul'turnyy kontekst onomasticheskoy igry // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1.
5. Gumbold' V. fon. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitiye chelovechestva // Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. — М., 1984.
6. Elistratov V. S. Tolkovyy slovar' russkogo slenga. — М., 2005.
7. Zemskaya E. A. Sovremennyj russkiy yazyk. Slovoobrazovanie. — М., 1973.
8. Zolotova G. A. Funktsii i disfunktsii v sovremennoy russkoy rechi // Russkiy yazyk segodnya. — М., 2000. Vyp. 1.
9. Ivanova S. V. Yazykovye igry v politicheskem prostranstve // Lingvistika kreativa — 3. — Ekaterinburg, 2014.
10. Nikolina N. A. «Skornenie» v sovremennoy rechi // Yazyk kak tvorchestvo. — М., 1996.
11. Norman B. Yu. Grammatika govoryashchego. — SPb., 1994.
12. Porshnev B. O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsikhologii). — М., 1974.
13. Rut M. E., Tsyplyakova K. O. Sravnitel'naya kharakteristika osobennostey yazykovoy igry v zhurnal'noy publitsistike XIX—XX vekov // Lingvistika kreativa — 3. — Ekaterinburg, 2014.
14. Ulukhanov I. S. Okkazional'nye chistye sposoby slovoobrazovaniya v sovremennoy russkom yazyke // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1992. Т. 51, № 1.
15. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya kommunika tsiya : ucheb. posobie. — Ekaterinburg, 2005.
16. Eko U. Rol' chitateliya. Issledovaniya po semiotike teksta. — М., 2005.
17. Chomsky N. Language and mind. — Cambridge Univ. Pr., 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.